

ПРОВИНЦИЯ: СЕМАНТИКА И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)*

Людмила О. Зайонц

С момента своего появления в русском языке (рубеж XVII-XVIII вв.) слово “провинция” прошло извилистый путь от административного термина до сложной культурной антиномии, отразив в себе более чем двухвековую историю развития языка и культуры, в которых ему пришлось адаптироваться. Первыми важными этапами в обретении нового для *provincia* “русского” содержания были исключение провинции как административного подразделения из системы областной иерархии России в 1775 г. и последующее превращение слова в открытую лексическую и смысловую форму. В результате, оторвавшись от своего исходного значения, слово провинция становится элементом совершенно иной стилистики, которая и позволяет ему в дальнейшем вместить в себя, практически, весь смысловой спектр, связанный с представлением о русской нестоличной культуре.¹

К середине XIX в., после почти полувекового поиска семантической ниши, слово и понятие “провинция” наконец обретает нормативное значение, впервые зафиксированное Вл. Далем в его Толковом словаре в 1859 г.: провинция, по Далю, означает “губернию, область, округ, уезд”. Т. е., все пространство России, за исключением двух столиц, осознается и обозначается как провинция. Определение Даля показательное и очень любопытно. Это первая в XIX в. попытка представить слово в его оформившемся современном значении, нечто вроде первой официальной версии с момента упразднения провинции как административной территории

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 03-03-00220.

¹ Подробно об этом см. нашу работу “История слова и понятия ‘провинция’ в русской культуре” (Russian Literature LIII. 2003, с. 307-330), где более развернуто представлен и материал настоящей публикации.

в 1775 г. Однако, если мы вспомним, какую область значений начинает захватывать слово “провинция” в начале XIX века (а это мир деревни и усадьбы), то нетрудно заметить, что в своем определении Даль использует семантический минимум, т. е. актуализует лишь очевидную и бесспорную для данного исторического момента семантику. Из этого можно заключить, что культурный спектр понятия провинция к середине XIX века еще не сложился в том объеме, который позволил бы педантичному Далю дать более многозначную дефиницию. Он исходил из значения, которое ни у кого не вызывало сомнений и могло бы стать общим знаменателем для любого последующего определения. Это значение государства, расположенной вне столиц и объединяющей собою все подразделения областной иерархии от губернии до уезда.

На самом деле реальное словоупотребление дает совершенно иную картину. В чем же причина такого “зазора” между словарно-нормативной и литературно-языковой версией понятия “провинция”, мы и попытаемся разобраться. В этом, как представляется, состоит главный нерв той трансформации, какую это понятие претерпевает во второй половине XIX в. Если рубеж XVIII-XIX вв. в истории слова “провинция” можно условно назвать периодом “семантического дрейфа”, то вторая половина века становится периодом поиска и освоения культурного контекста. Согласно Далю, как уже говорилось, провинцией может называться и губерния, и уезд, и округ, и все вместе. В привычном территориальном смысле так оно и есть. Между тем, если обратиться к разнообразной литературной продукции второй половины XIX в., в основном периодической печати и публицистике, обращает на себя внимание то, что прилагательные, а точнее, определения губернский, провинциальный и уездный стягивают вокруг себя различные лексико-семантические группы. Эти группы сопровождающей лексики состоят из наиболее часто употребляемых с этими прилагательными слов и понятий:

губернское: начальство, правление, училищный совет, казначейство, суд, Прокурор, архив, “Ведомости”;

уездное: город, училище, исправник, писарь, лекарь, барышни, сплетни, трактир;

провинциальное: общество, сознание, чтения, собрания, Собор (съезд духовенства), издание, публика, театр, манеры, нравы, мнение, вкус, интеллигенция.

Перед нами три совершенно разные культурные модели: губернский дискурс покрывает сферу государственно-административных понятий, уездный – частно-бытовых, провинциальный – коммуникативных, обще-

культурных и духовных. Т. о. примерно с середины XIX века слово “провинция” и его производные начинают использоваться для обозначения широкого, но вполне определенного культурного континуума. Возможно, как раз с его освоением связана высокая семантическая валентность слова. В этом можно убедиться, с легкостью подставив эпитет провинциальный к любому понятию из сферы губернского или уездного, и мы получим не менее распространенные словосочетания, например: провинциальный писарь, “Провинциальные ведомости”, провинциальный город, провинциальная барышня, провинциальный чиновник, провинциальное казначейство и т. д.; обратная операция в большинстве случаев чревата стилистическими ляпами, к примеру: губернский Собор, губернская застенчивость, уездные чтения, уездная вежливость, губернские семейства, уездное сознание и т. д. Вполне вероятно, что в определении Даля, где провинция фигурирует в роли объединяющего, собирательного термина, отразилась как раз эта тенденция – развивающаяся способность слова аккумулировать дополнительные смыслы.

Позволю себе предположить, что благодаря именно этой особенности ко второй половине XIX в. у слова “провинция” формируется своя специфическая литературная среда обитания. В первую очередь и, безусловно, это художественная литература, со страниц которой в 20-30-е гг. XIX в. это слово с еще не вполне устоявшимся, скользящим значением было экспортировано в иные жанры словесности и массовую культуру. В системе художественной поэтики слово прижилось очень скоро, поскольку обладало подвижной семантикой и открытой смысловой структурой. Художественная литература XIX в. обеспечила слову провинция невероятный тираж, благодаря чему за столетие оно прошло путь, несколько утрирую, от аморфной лексемы до литературного жанра (провинциальный роман, губернские очерки и т. д.). Это была наиболее органичная среда для лексемы такого рода, среда живительная, во всех смыслах способствующая росту ее “популяции”. Однако именно поэтому, как мне представляется, в этой области никаких неожиданных или качественных метаморфоз со словом “провинция” в XIX в. не происходит, оно просто разрастается до, грубо говоря, литературной традиции – от повестей Загоскина и Гоголя, Елены Ган и сестер Хвоцинских до Чехова и Соллогуба.

Совсем по-иному обстоит дело с литературными сферами далекими от изящной словесности. В сфере официального словоупотребления с понятием “провинция”, прежде всего, соотносилось в эти годы значение

областного пространства России, о чем вслед за Далем свидетельствуют многочисленные словари.² В поисках иллюстрирующего материала мы обратились к географическим обзорам, статистическим описаниям губерний, топографическим справочникам и этнографическим отчетам. Результат превзошел все ожидания: оказалось, что в текстах такого рода слова “провинция”, “провинциальный”, “провинциалы”, “провинциальность”, фактически, не используются. Иными словами, гуманитарная сфера, которую по логике вещей эти слова должны были бы обслуживать, в свой лексикон их не приняла.³

Момент очень важный. Он означает, что ко второй половине XIX в., а точнее, к 1860-м гг., слово вышло за пределы своей грамматической функции – простого определения – и срослось с поэтической – стало эпитетом, т. е. приобрело устойчивую эмоциональную и стилистическую окраску (этим оно, конечно, было обязано художественной литературе, где прошло путь своеобразной инициации). Поэтому, несмотря на его словарное значение, слово “провинция” уже не годилось для научных и статистических описаний, т. к. могло внести в текст неуместную двусмысленность.

² См.: Справочный энциклопедический словарь А. Старчевского, 1854; Слово-толкователь 30.000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1871; Всенаучный словарь С. Ключникова, 1878; Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый Русского Литературного языка, 1901.

³ См.: Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. В 5-и тт. М. 1838-1842; Сумароков П. И. Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. СПб. 1839; Пушкирев И. И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. В 3-х тт. СПб. 1839-1842; Он же. Краткое историко-статистическое описание Санкт-Петербургской губернии. СПб. 1845; Эйхвальд Э. И. Извлечения из замечаний д.с.с. заслуженного академика Эйхвальда во время путешествия по Новгородской губернии. Новгород 1854; Бочаров Н. П. Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии. М. 1864; Дмитриев А. А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь 1889-1900; Голомбеский А. А. Дневник поездки по России в 1841 году. СПб. 1913; “Великая Россия. Географические, этнографические и культурно-бытовые очерки современной России” (под общ. рук. Д. А. Анучина. М. 1912. Т 1: Сибирь. Т. 2: Поволжье, Приуралье); “Географический словарь России” (под ред. Д. И. Рихтера. СПб. 1909-1910); Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. В 19-и тт. Под ред. В. П. Семенова. СПб. 1899-1914.

Но оно оказалось востребованным в текстах иного рода, расцветом которых ознаменована вторая половина XIX в. Это публицистика, журналистика и критика. Особый интерес представляют в эти годы, прежде всего, “Губернские ведомости” и особенно отпочковавшиеся от них впоследствии независимые периодические издания, как, например, “Нижегородский справочный листок”, “Саратовский листок”, “Амур”, “Век”, “Волга”, “Воронежский телеграф” и др. В 1850-е гг. начинает появляться огромное количество отдельных местных изданий, книжек и брошюр, которые напоминают этакую печатную кавалерию, отряд (ментального! даже точнее) “моментального реагирования” – т. е. всевозможные отклики на самые животрепещущие вопросы политической, общественной и культурной жизни. С развитием именно этой литературной продукции и связано формирование того особого культурного контекста, о котором шла речь выше, и благодаря которому начинает прочерчиваться четкая смысловая и стилистическая граница между понятиями *губернский*, *уездный* и *провинциальный*.

Эмоциональная окраска и социальный подтекст, которыми к этому времени уже оснащено слово “провинция”, оказываются в этой литературно-общественной среде как нельзя более кстати. В публицистике 1860-1870-х гг. развертывается полемика о культурной роли провинции. Провинциальная печать начинает кампанию за право провинции на самоопределение. Ее апогеем можно считать спор, разгоревшийся в середине 70-х гг. между известным публицистом Даниилом Лукичем Мордовцевым и редактором “Нижегородских губ. Ведомостей”, историком и общественным деятелем Александром Серафимовичем Гациским. Спор, во многих отношениях примечательный, фиксирующий изменение речевой интонации и новый функциональный статус слова “провинция”: и то, и другое можно назвать “декларацией общественной и культурной позиции”. Этот новоприобретенный публицистический пафос в полной мере отражен в заголовке “Смерть провинции или нет?” – так называлось открытое письмо А. С. Гациского Д. Л. Мордовцеву по поводу статьи последнего “Печать в провинции” (“Дело”, 1875, № 9-10).⁴ В ней Мордовцев, обосновывая свою “центростремительную” теорию, отказывал провинции в интеллектуальном и культурном потенциале, способности самостоятельно развиваться, и предлагал относиться к провинции как к колониальным территориям: “Столицы, – пишет Мордовцев, – должны расти за счет своих

⁴ Гациский А. С. Смерть провинции или нет? (Открытое письмо Д. Л. Мордовцеву). Н.-Новгород 1876.

окраин и всего более или менее отдаленного от центра...”. При этом очень показательным, что, оценивая интеллектуальный и прочий потенциал окраин, Мордовцев тщательно старается избегать слова губерния. Понятно, почему: оно уже привычно воспринимается как метонимия высокого областного начальства. Слово же “провинция” с властными структурами не ассоциируется, и в этом смысле оказывается наиболее удобным для теоритических дебатов.

В ответе А. С. Гациского также немало интересного. Он актуализует в слове “провинция” ее конфликтную семантику, обнажая коллизию “провинция – столица”. Это и становится смысловой доминантой статьи. Однако это традиционное противопоставление под пером Гациского, как, впрочем, под пером и других провинциальных публицистов этих лет (К. В. Лавровского, А. М. Скабичевского, Вс. Соловьева и др.), получает свежую интонационную огласовку, я даже назвала бы ее модной, а, точнее, новомодной. Это уверенная и жесткая интонация аргумента. Слово работает в этих текстах как идеологема, как культурный сигнал, вызов к полемике. В эту эпоху оно активно начинает использоваться в своей, по сути, главной социально-культурной функции – центробежной, оппозиционной по отношению к столице.

В статье Гациского получает новый синоним слово “провинциал” – областник: “Мы – провинциалы, обласники (позвольте мне употребить это выражение)”.⁵ Появление такого неологизма тоже не случайно. Областник – это уже не провинциал в привычном для XIX в. смысле слова, это определение его новой социальной функции практика, преобразователя, деятеля провинции. В том же контексте появляется еще одно замечательное словосочетание – областная провинциальная печать. Никакой смысловой тавтологии: областная значит местная и социально активная, провинциальная – культурно автономная по отношению к центру.

Не могу не сказать о пафосе, которым пронизано письмо. Это призыв к столице пересмотреть свое отношение к провинции как к сырьевому приращку и дать ей возможность свободно развиваться. Столица должна наконец увидеть в провинции ее особенную “физиономию” и попытаться ее понять. Петербург, пишет Гациский, с помощью провинции “додумался до необходимости изучения народа, но еще не додумался до необходимости исследования провинции”,⁶ тогда как сама провинция блиста-

⁵ Там же., с. 6.

⁶ Там же., с. 20 (разряд автора).

тельно справляется с этой задачей... Продолжайте, пишет автор, продолжайте наблюдать “провинцию из своего петербургского окошка и смотрите с ужасом, как бы

... Бирнамский лес
Не двинулся на донзинанский замок...”.⁷

Вот этот контекст и становится тем новым смысловым пространством, которое завоевывает слово и понятие провинция во второй половине XIX в. С этого времени оно выступает уже как носитель специфической внутрикультурной проблематики и закрепляется в лексиконе политиков, идеологов, деятелей литературы и искусства. Т. о. разрыв между словарным и литературно-речевым значением провинции оказывается к концу XIX в. колоссальным. А это означает, что активность слова изначально была выше нормативной, и поэтому каждый последующий синхронный срез устаревал уже в момент своего появления. В течение полувека слово не просто нашло свою нишу – оно освоило пограничные смысловые зоны и превратилось в динамичную, многовекторную, семантически конформную лексему, способную, как мазок импрессиониста, распасться на множество оттенков.

Говоря о второй половине XIX в., нельзя не упомянуть о событии, радикально изменившем весь культурный ландшафт провинции и ее дальнейшую судьбу. Это крестьянская реформа 1861 г. Русская печать отреагировала на это событие бурно и неоднозначно. Однако в данном случае, для нас важно другое: как отреагировало слово на произошедшие с провинцией метаморфозы. Культурный ландшафт провинции традиционно складывался из трех взаимодействующих миров – деревня, усадьба и уездный/губернский город. Реформа изменила все: патриархальный деревенский уклад, инфраструктуру провинциальных городов, ставших вскоре очагами социальной и политической нестабильности и мир дворянской усадьбы, которую ждало обнищание и разорение. Все эти события нашли отражение в резком расширении спектра пейоративных значений понятия провинция.

С этого момента, с конца XIX в., в словосочетании “русская провинция” уже всегда будут присутствовать два взаимоисключающих, но, тем не менее, неразрывно связанных друг с другом смысла – убогого ничемного захолустья и потерянного рая. О том, как этот образ переосмыслился в массовой культуре рубежа веков, можно судить по одному

⁷ Там же, с. 12.

любопытному этимологическому экзерсису, обнаруженному мною в одоном из “желтых” периодических изданий 1905 г., журнале “Провинция, что в ней думают и делают”: “Про-вин-ция! Вы подумайте – слово какое! Провинностей-то, провинностей на ней сколько! И она сама виновата, и перед нею виноваты! И Петербург как перед нею виноват!...”.⁸ Этот опыт культурной этимологии соответствовал тому, что носилась в воздухе, и вполне мог претендовать на новое *bon mot*. Журнал всеми силами пытался потрафить столичным умонастроениям, о чем, в частности, и свидетельствует процитированный пассаж: это популяризованная интерпретация пассаеистических идей, охвативших в эти годы образованную часть русского общества, связанных с ощущением безвозвратно ушедшей в небытие культуры, комплексом исторической вины, попытками сохранить уцелевшее...

Пассаеизм стал этапом, завершившим процесс кристаллизации понятия “провинция” в досоветскую эпоху. Это был важный этап, привнесший в понятие и слово “провинция” историко-культурный и художественный смысл. В 1911-1912 гг. в петербургском журнале “Зодчий” разгорелась очередная полемика о культурной судьбе провинции, аналогичная предыдущей, но уже с обратными знаками. На этот раз столица призывала провинцию к самоидентификации и поискам собственной самобытности. Невероятно увлекательный материал, достойный большого отдельного разговора. Пассаеистическая эстетика выработала, как известно, свой особый культурный хронотоп: значением и ценностью наполнялось не сегодня и здесь, т. е., актуальное время и современная столица (которая всегда была точкой отсчета), а вчера и там, т. е., прошедшие времена и то, что находится за пределами столицы, иными словами, – удаленная во времени жизнь провинциальной России. Хотя, конечно, не была забыта и столичная история. Движение в направлении столица > глубинка в этой системе, фактически, означало путешествие во времени (чем дальше, тем ближе к “седой старине”), отчего описание современного состояния какого-нибудь “медвежьего угла” или быта олекинских тунгусов приобретало такую же ценность, как и публикация мемуаров семьи Раевских. Эпоха пассаеизма дала понятию “провинция” новый масштаб, культурологическую глубину: оно приобрело уже навсегда закрепившееся за ним значение культурно-исторической резервации, в недрах которой, как в 1922 г. с тоской напишет Ф. Сологуб, “так много было скрыто чистых сил и вещей снов”.

⁸ Провинция, что в ней думают и делают. Т. 1. Январь. СПб. 1905, с. 5.

С этим багажом понятие провинция и подошло к новому рубежу в истории России. В конце 1920-х гг. правительственным указом старые названия территориальных подразделений были заменены на новые: вместо уезда и губернии появились район и область/край. Что же касается провинции, то здесь предстояло разобраться с целой культурной эпохой. Это оказалось несложно: к ней просто исчез интерес, и буквально за десятилетие понятие “провинция”, как и многое другое, превратилось в анахронизм. Слово продолжало бытовать в языке, но уже с выхолощенной семантикой, т. к. стремительно исчезала питавшая его реальность. На ее месте рождалась новая, требовавшая и нового названия. Вскоре такое название было найдено: в 1937 г. в главном печатном органе страны газете “Правда” появилась статья под названием “Периферия”: “Унылое слово – провинция, – говорилось в статье, – потеряло право на местожительство в нашей стране. Когда сегодня хотят упомянуть о пунктах, отдаленных от центра, говорят – периферия. Это точное, никому не обидное слово”.⁹

Новое слово стало началом и новой “провинциальной” истории. Но это предмет уже другого исследования.

⁹ Диковский С. Периферия // Правда 1937. № 57. 27 февраля, с. 4.

М. В. Добужинский. Финляндия. Улица в Лобизе. 1915 г.